

РИСКИ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ МЕКСИКИ, ВЕНЕСУЭЛЫ И ЧИЛИ)

В.С. Скачков¹, Д.В. Заяц²

^{1,2} *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, кафедра географии мирового хозяйства*

² *Московский педагогический государственный университет, кафедра экономической и социальной географии
имени академика РАО В.П. Максаковского, доцент; канд. геогр. наук; e-mail: ethnogeo@mail.ru*

¹ *Аспирант; e-mail: cccp271994@mail.ru*

² *Науч. сотр.; e-mail: ethnogeo@mail.ru*

Пространственная дезинтеграция понимается в исследовании как процесс нарушения и разрушения системообразующих связей между административно-территориальными единицами государства. На основе ранее выполненных другими авторами исследований выделено семь факторов пространственной дезинтеграции: исторический, социально-экономический, внутривластный, этнокультурный, транспортный, военно-стратегический и внешнеполитический. Для количественной оценки рисков пространственной дезинтеграции разработана методика расчета, позволяющая проводить сравнительную характеристику опасности дезинтеграции как для отдельных стран в качестве целостных систем, так и для их административно-территориальных единиц.

Риски пространственной дезинтеграции рассчитаны для трех стран Латинской Америки – Венесуэлы, Мексики и Чили, которые довольно сильно различаются между собой в социально-экономическом, этнокультурном и политико-административном плане. Выявлено, что среди этих стран наибольший риск пространственной дезинтеграции свойствен Венесуэле. Самые значительные риски пространственной дезинтеграции на субнациональном уровне в Венесуэле характерны для штата Тачира; в Мексике – для штатов Нижняя Калифорния и Тамаулипас; в Чили – для областей Арика-и-Паринакота, Араукания.

Проведен корреляционный анализ между параметрами, показывающими действие различных факторов дезинтеграции. В Мексике значимы следующие корреляции: положительная между социально-экономическим и внешнеполитическим факторами и отрицательные между социально-экономическим и этнокультурным, социально-экономическим и транспортным факторами. В Венесуэле корреляция между социально-экономическим и этнокультурным факторами положительная, так же как и между внешнеполитическим и внутривластным, а отрицательная – между социально-экономическим и внутривластным факторами. В Чили выявлены всего две значимые корреляции: между социально-экономическим и военно-стратегическим, социально-экономическим и внешнеполитическим факторами.

Метод главных компонент позволил выявить в рассматриваемых странах Латинской Америки две ведущие компоненты. Первая – фронтальные регионы с высоким уровнем развития человеческого потенциала, которые при этом слабее интегрированы в экономические и транспортные связи со своими соседями внутри страны. Вторая – регионы-«импланты», отличающиеся от основной группы регионов страны по расовой композиции и имеющие усиленный силовой контроль материнского государства.

Ключевые слова: территориальные диспропорции, факторный анализ, сепаратизм, сепаратизм

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении XX в. число стран на политической карте мира увеличилось в четыре раза, и пока еще нельзя сказать, что процессы пространственной фрагментации потеряли свою актуальность. Многочисленность территориальных конфликтов, связанных с наиболее крайними проявлениями дезинтеграции – сепаратизмом и сепаратизмом [Ker-Lindsay, 2012; Попов, 2012; Попов, 2015], появление непризнанных, частично признанных, деградирующих и коллапсирующих государств [Pegg, 1988; Kolossov, O’Loughlin, 1998; Себенцов, Колосов, 2012] говорит о широком развитии в современном мире центробежных процессов на

уровне независимых государств, причем эта тенденция парадоксально соседствует с явлением глобализации. При этом с рубежа XX и XXI вв. в политической географии, особенно зарубежной, все заметнее влияние исследований, выполненных с позиций постмодернизма (например, [Newman, Paasi, 1998]). Отличительная черта таких исследований – критический подход к понятиям «граница», «государственное пространство», «сфера влияния», допущение их субъективного характера и определенной искусственности, анализ через призму территориальной социализации, идентичности, социальных практик, систем символов и нарративов.

Понятие «дезинтеграция» является междисциплинарным и полисемантическим. Оно разрабатывается в таких предметных областях, как политология, социология, экономика, транспортные исследования, теория международных отношений и др. Несмотря на отдельные различия в подходах разных научных дисциплин (экономическая, политическая, культурная, транспортная и другая дезинтеграция), большинство авторов солидаризируются с тем, что дезинтеграция – это процесс нарушения и разрушения системообразующих связей, отдаления элементов системы и ее дальнейшего распада и деградации [Бакланов, 2002; Воронина, 2016; Либман, Хейфец, 2011; Фадеева, 2018]. Мы же в рамках этого исследования остановимся на пространственных аспектах дезинтеграции на иерархическом уровне единого государства.

В данной работе под пространственной дезинтеграцией подразумевается *нарушение экономических, политических и транспортных связей между регионами одного государства, которые представляют собой административно-территориальные единицы (АТЕ) 1-го порядка*. В крайних и наиболее острых случаях тотальной дезинтеграции это нарушение приводит к наиболее чувствительным для государства негативным проявлениям центробежных тенденций в виде сепаратизма, ирредентизма, «серых зон» и политически изолированных регионов.

Стоит отметить, что пространственная дезинтеграция не сводится исключительно к сепаратизму и регионализму, поскольку она, во-первых, развивается дольше во времени; во-вторых, чаще всего имеет комплексный генезис (сочетает несколько факторов дезинтеграции); в-третьих, мало зависит от интересов отдельных групп лиц (политические движения и партии, этнократические элиты и др.).

Согласно гипотезе исследования, любая страна (кроме карликовых государств) имеет некоторый потенциал пространственной дезинтеграции как процесса нарушения связей между ее регионами. Вызывает научный интерес разработка методики количественного определения рисков пространственной дезинтеграции.

Исследовательская проблема заключается в разработке инструмента, который мог бы объективно показать данный потенциал и при этом имел бы комплексный характер. Последнее уточнение исключительно важно, поскольку существующие методы оценки гетерогенности пространства государства, как правило, сравнительно узко специализированы. Анализ территориальных диспропорций социально-экономического развития частей государства проводится на основе неравномерности распределения душевых показателей ВРП или ИЧР (индекса человеческого развития), индекса этнолингвистической фрактализации, учитывающего

разнообразие языков и народов, и др. Показатели плотности путей сообщения и теория графов помогают с пространственной точки зрения анализировать транспортную структуру, выявляя ее сгущения и разрежения, связность регионов между собой. Но пространственная дезинтеграция имеет комплексный генезис, поэтому ее оценка должна одновременно учитывать социальную, экономическую, политическую, культурную и транспортную неравномерность развития.

Важной разработкой в этом плане можно считать индекс несостоявшихся государств (Fragile State Index), который показывает степень контроля центральными властями государственной территории. Однако сложность методики, отсутствие полных открытых данных, обилие экспертных оценок вызывают множество критических замечаний и ставят под сомнение широкое применение данного индекса. С другой стороны, этот индекс может выступать некоторым ориентиром при оценке рисков дезинтеграции.

Выявление и параметризация факторов пространственной дезинтеграции не является мейнстримом современной политической географии. Это во многом связано с преобладанием до недавнего времени странового подхода в подобных исследованиях. Большую часть XX в. любая страна в политическом плане считалась своеобразным «черным ящиком» с имманентно присущими неизбывными «национальными интересами» – императивами поведения на внешнеполитической арене. Этот подход затруднял адекватную оценку альтернативных политических культур на субнациональном уровне, преуменьшал роль и значимость местных политических элит. Рост дезинтеграционных процессов в конце прошлого столетия и распад социалистических федеративных государств Европы вызвали усиление интереса к дезинтеграционным процессам, особенно таким радикальным, как сепаратизм и сепаратизм. Ряд исследователей обосновали свои подходы к выделению этих факторов (табл. 1).

Зарубежные исследователи при характеристике острой фазы дезинтеграционных процессов чаще стараются оперировать понятием «конфликт», наполнение которого включает и проявление политической нестабильности, и различные неблагоприятные исходы пространственной дезинтеграции. С точки зрения нашего исследования, интересны труды авторов, которые рассматривают взаимодействие нескольких факторов между собой, выявляя механизмы нарушения и разрыва политического пространства государства. В их числе работы Дж. Соренса [Sorens, 2011], М. Морелли и Д. Ронера [Morelli, Rohner, 2015], Х. Бухауга и Дж. Реда [Buhaug, Rød, 2006], а также Х. Хегре, Г. Эстби и К. Рэли [Hegre et al., 2009].

Факторы сепаратизма или сецессионизма, выделяемые отдельными авторами

Исследователи	Выделяемые факторы сепаратизма/сецессионизма
К. Уир [Wheare, 1966]	Предшествующее существование в виде отдельной политической единицы, экономические диспропорции и различия в социально-экономическом положении регионов, географическая изоляция
Р. Паддисон [Paddison, 1983]	Степень национальной мобилизации, степень децентрализации производства, размер территории, число обособленных социальных групп, различия в социальной структуре, различие природно-ресурсного потенциала, удаленность от столицы, наличие субъекта требования независимости, степень контроля экономики на местах, этническая однородность, местная демографическая стабильность, социально-политическая активность
А. Авраменко [Авраменко, 1997]	Социально-экономический, самоорганизации, политической ориентации, глокализации, политического противостояния, недоверие к центральному органу власти, регионализации элит, демографический, миграционной политики
Д. Заяц [Заяц, 1999]	Этноконфессиональный, социально-экономический, природных границ, геополитический, общественной мобилизации, наличие потенциальной правящей элиты, организации или лидера, исторический
Ф. Попов [Попов, 2012]	Псевдоэтнический, внешнеполитический, конфессиональный, личного авторитета, административных границ, территориальной изолированности, исторический, экономический

Вопрос взаимодействия и соподчиненности факторов дезинтеграции неоднозначен и сложен. Наше исследование построено на основе результатов работ социологов [Ross, 1920; Simmel, 1955; Козер, 2000] и политологов [Rokkan, 1967; Lipset, 1983], которые занимались проблемами совпадающих и пересекающихся линий внутристрановых конфликтов как своеобразных разломов, откалывающих части территории от единого государства. Синергетический эффект факторов пространственной дезинтеграции предполагается вследствие пространственного совпадения разломов в экономической, политической и культурной сферах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В качестве объекта исследования пространственной дезинтеграции была выбрана Латинская Америка. Важно отметить, что при наличии целого комплекса проблем, которые интенсивно исследуются географами и политологами-латиноамериканистами (в их числе социальное расслоение, бедность, преступность, трансграничное сотрудничество), процессы фрагментации политического пространства чаще всего выпадают из области их научных интересов. В последние годы тематике дезинтеграции латиноамериканских стран было посвящено относительно небольшое число работ [Кузнецов, 2020; Емельянов и др., 2019; Харламенко, 2013]. При этом в регионе имеются и исторические примеры сепаратизма, такие как штат Чьяпас и штаты полуострова Юкатан (Кампече, Юкатан и Кинтана-Роо) в Мекси-

ке, штаты Сан-Паулу в Бразилии и Сулия в Венесуэле, провинция Гуаяс в Эквадоре, область Араукания в Чили, «Восточный полумесяц» в Боливии (департаменты Бени, Санта-Крус, Тариха) и др.

Анализируя исследования дезинтеграционных процессов (см. табл. 1), можно отметить, что разные исследователи в целом придерживаются схожих взглядов на их причинно-следственные связи. На основе уже имеющихся подходов к разработке системы факторов сепаратизма и сецессионизма выделим семь факторов пространственной дезинтеграции для стран Латинской Америки (табл. 2).

Исторический фактор понимается нами как наличие у региона (АТЕ 1-го порядка) опыта сецессии или дезинтеграции в прошлом. Сам исторический прецедент существования региона отдельно от материнского государства легитимизирует амбиции местных политических элит к строительству собственного политического образования, способствует укреплению местной специфической идентичности.

Социально-экономический фактор понимается как неравномерность развития экономики и человеческого потенциала в отдельных регионах государства. Риск дезинтеграции наиболее высок в крайних случаях – в регионах-лидерах и регионах-аутсайдерах по социально-экономическому развитию. Первые, будучи регионами-донорами государственного бюджета, не желают делиться своими доходами с регионами-«нахлебниками», вторые же винят в своем бедственном положении центральное правительство, ведущее, по их мнению, неверную региональ-

ную политику. Как в «богатых», так и в «бедных» регионах растет неудовлетворенность сложившейся экономической политикой, что объективно повышает риск пространственной дезинтеграции.

Внутриполитический фактор видится как неоднородность политических ориентаций населения в разных частях страны, выражающаяся в электро-в поведении населения регионов.

Этнокультурный фактор воспринимается нами как различие этнорасовой композиции разных регионов внутри единого государства. Этническая,

конфессиональная и культурная самобытность способствует укреплению местной региональной идентичности, что в свою очередь повышает риск пространственной дезинтеграции. Для стран, в которых титульный этнос имеет мультирасовую структуру (а таковых в Латинской Америке большинство), на первый план выходят различия в расовой композиции. Параметризация этого фактора базируется на социологических опросах, выявляющих идентичность населения, а при их отсутствии – на данных переписей населения.

Таблица 2

Параметризация факторов пространственной дезинтеграции для стран Латинской Америки

Фактор	Проявление фактора	Параметры, позволяющие оценить действие фактора
Исторический	Опыт сецессии или автономного существования региона в прошлом	Число лет автономии и фактической независимости региона
Социально-экономический	Неравномерность развития человеческого потенциала в АТЕ	Верхний и нижний квартили по значениям ИЧР среди АТЕ 1-го порядка страны
Внутриполитический	Различие в электоральных предпочтениях населения региона на общегосударственных выборах по сравнению со средними значениями в государстве	Отклонение в доле голосов за победившего кандидата (партию) от среднего значения по стране. Число избирательных кампаний, в которых победила оппозиция
Этнокультурный	Отличие этнорасовой композиции региона от всего государства	Отклонение в доле основных этнорасовых групп в регионе от их средней доли в стране
Транспортный	Затруднение устойчивого всепогодного сообщения с другими регионами	Число сухопутных транспортных связей (автомобильных и железных дорог, трубопроводов) с соседними регионами
Военно-стратегический	Присутствие военного контингента и военной инфраструктуры в пределах региона	Балльная оценка сформированности военной инфраструктуры в регионе (1 балл начисляется за размещение командования сухопутного соединения; 1,2 балла – за базу ВМФ; 1,5 – балла за базу ВВС)
Внешнеполитический	Влияние на население и политическую повестку региона зарубежных акторов	Балльная оценка величины внешнего влияния (3 балла присваивается АТЕ с наибольшим значением плотности пограничных переходов (ПП); 2 балла – АТЕ, занимающим 2–3-е места по этому показателю; 1 балл – остальным, имеющим ПП ПЛЮС 3 балла – АТЕ с самыми высокими значениями прямых иностранных инвестиций (ПИИ); 2 балла – регионам, где объемы ПИИ выше среднего по стране; 0,5 балла – АТЕ-аутсайдеру ПЛЮС 3 балла за наличие военных баз зарубежных стран; при наличии официальных территориальных притязаний на АТЕ со стороны соседней страны получившаяся сумма баллов удваивается)

Транспортный фактор понимается как устойчивость всепогодного сухопутного транспортного сообщения (автомобильного, железнодорожного, трубопроводного) данной АТЕ с соседними АТЕ той же страны. Чем теснее в транспортном отношении регион связан с другими частями страны,

тем риски пространственной дезинтеграции будут меньше.

Военно-стратегический фактор выражается в неравномерности пространственного распределения воинских и силовых подразделений, обеспечивающих оборону государства, важнейших объектов

военной инфраструктуры и крупных предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК), занимающихся созданием и разработкой военной техники и технологий. Присутствие воинского контингента или размещение значительного предприятия ВПК приводит к усилению контроля государства над территорией. Это стабилизирует и укрепляет государственное пространство, снижает риски дезинтеграции.

Внешилополитический фактор пространственной дезинтеграции видится нами как формирование регионалистских и сепаратистских настроений у населения территории под влиянием разных видов воздействий (финансовых, силовых, пропагандистских, дискурсивных, криминальных) извне, со стороны зарубежных стран.

Как можно заметить, представленные факторы с трудом поддаются параметризации, не для всех из них удалось найти относительно простой в использовании, универсальный и широко применяемый в государственной статистике параметр. Поэтому для двух последних факторов возникла необходимость в разработке балльной оценки.

Риски пространственной дезинтеграции всего государства и отдельной его части (АТЕ) не тождественны. Риск дезинтеграции государства определяется угрозой его целостности как системы, т. е. является величиной, обратной степени гомогенности, «монолитности» государственной территории, населения, хозяйства и политических предпочтений. Риск пространственной дезинтеграции региона зависит от величины различий между ним и государством в целом. Наибольшая величина риска будет фиксироваться у наиболее гетерогенных регионов, не похожих на страну в целом, «имплантных». Исходя из трактовки пространственной дезинтеграции как нарушения социально-экономических, политических и транспортных связей региона с другими территориями государства, важно понимать, что под «регионом» здесь подразумевается человеческое сообщество, населяющее определенную административно-территориальную единицу, которое выступает субъектом всех экономических, политических, социокультурных и иных связей.

Риск пространственной дезинтеграции для страны определяется удельным весом населения, проживающего в регионах (АТЕ) с наиболее высокими значениями рисков дезинтеграции по группе факторов (обычно в пределах верхнего дециля). Чем большую долю населения напрямую затрагивает своей деятельностью риск дезинтеграции от того или иного фактора, тем он объективно важнее для общества и государства.

Исходя из этого, формула расчета потенциальных рисков дезинтеграции по тому или иному фак-

тору для страны в целом будет иметь следующий вид:

$$F = \frac{n}{N},$$

где F – вес отдельного фактора; n – суммарная численность населения, проживающего в регионах, подверженных наибольшему риску пространственной дезинтеграции по данному фактору; N – общая численность населения в государстве.

Далее определяем общий риск пространственной дезинтеграции страны:

$$\Sigma = F_{И} + F_{СЭ} + F_{внутр} + F_{Э} + F_{Т} + F_{ВС} + F_{внеш},$$

где Σ – итоговый показатель риска пространственной дезинтеграции страны; веса факторов: $F_{И}$ – исторического; $F_{СЭ}$ – социально-экономического; $F_{внутр}$ – внутривластного; $F_{Э}$ – этнокультурного, $F_{Т}$ – транспортного; $F_{ВС}$ – военно-стратегического; $F_{внеш}$ – внешнеполитического.

Таким образом, в итоге получается некоторое числовое значение, которое можно использовать для сравнения рисков потенциальной дезинтеграции разных государств.

Риск дезинтеграции для части страны (региона, АТЕ) можно определить как число факторов, индикаторы (параметры) которых имеют наибольшие значения. Чем больше факторов «работают» на отрыв региона от единого государства, тем риск дезинтеграции выше. В результате вырисовывается пространственная картина, показывающая наиболее «чужеродные», потенциально конфликтные регионы, требующие повышенного внимания со стороны центральных властей (рис. 1–3).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для отработки методики определения рисков пространственной дезинтеграции были выбраны три латиноамериканских государства – Венесуэла, Мексика и Чили, которые, согласно рейтингу Fragile State Index, занимают разные позиции, а также обладают определенной социально-экономической, этнокультурной и политико-административной спецификой. Чили – унитарное государство с низким риском стать «несостоявшимся» государством; Венесуэла – коллапсирующая федерация, находящаяся в состоянии гуманитарного кризиса; Мексика – региональная держава, имеющая важное геополитическое и геоэкономическое значение для всего Западного полушария, для нее характерен средний риск стать «несостоявшимся» государством ввиду затянувшейся войны с наркокартелями (с 2006 г. по настоящее время).

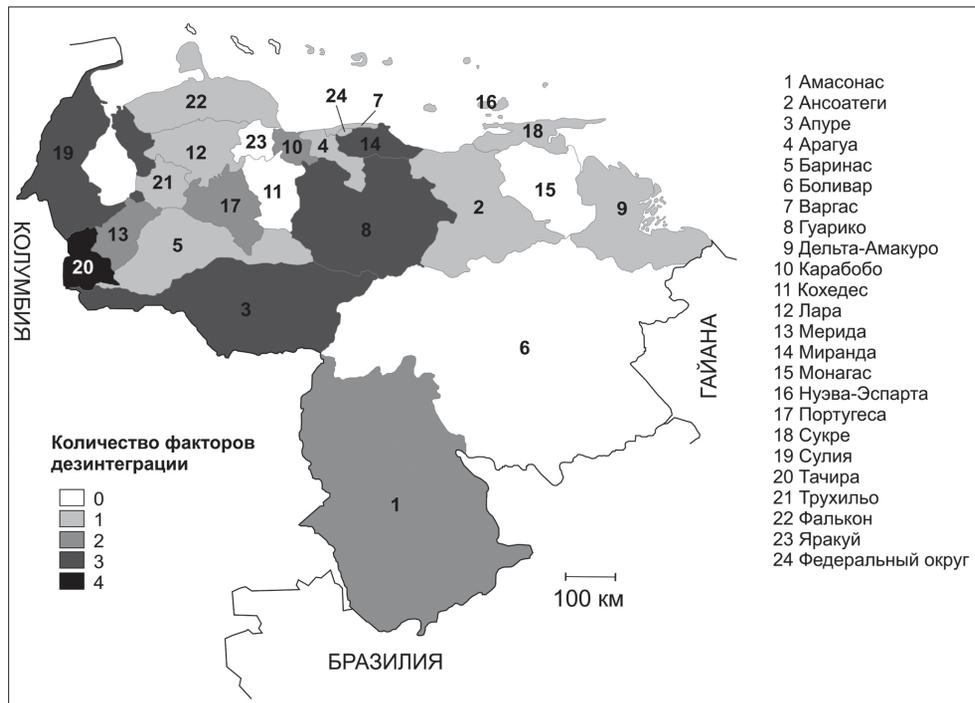

Рис. 1. Риски пространственной дезинтеграции штатов Венесуэлы

Fig. 1. Risks of spatial disintegration of the Venezuela states

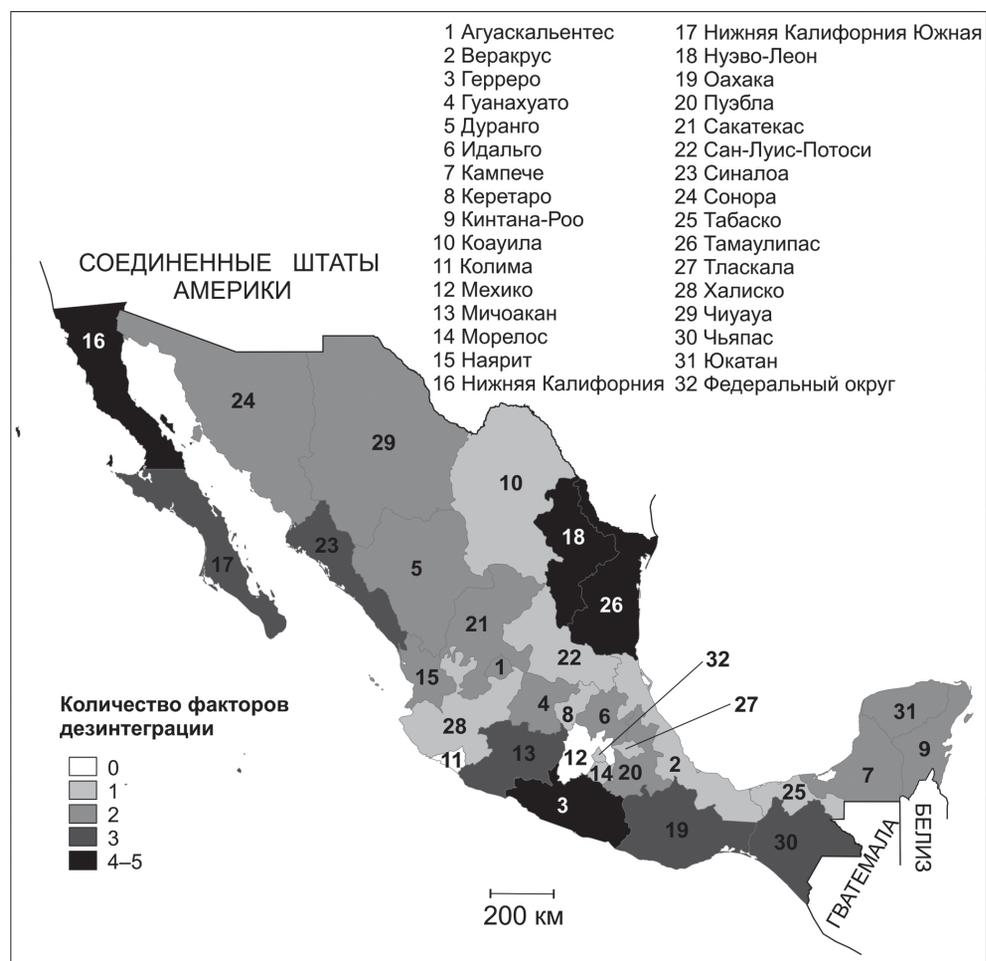

Рис. 2. Риски пространственной дезинтеграции штатов Мексики

Fig. 2. Risks of spatial disintegration of the states of Mexico

Рис. 3. Риски пространственной дезинтеграции областей Чили

Fig. 3. Risks of spatial disintegration of Chile's regions

Среди трех выбранных для анализа стран наиболее значительный риск потенциальной дезинтеграции характерен для современной Венесуэлы, он составляет 2,3 (табл. 3). Наибольший вклад в общий показатель риска Венесуэлы вносят параметры, связанные с социально-экономическим (0,6), историческим (0,58) и внутривнутриполитическим (0,53) факторами. Существенно ниже риски пространственной дезинтеграции Мексики (1,84) и Чили (1,75). В Мексике в общей структуре риска наиболее заметен вес социально-экономического и этнокультурного факторов, в Чили – исторического и социально-экономического. При этом для Мексики мы посчитали допустимым дополнить риск, продуцируемый собственно историческим фактором, его разновидностью, связанной с формами контроля над территорией различных криминальных группировок – наркокартелей [Коробеев, Лобач, 2014] и повстанческих движений, как правило, левацкого толка. Подобная ситуация в латиноамериканском

регионе свойственна в прошлом и в ряде случаев в настоящем еще и Колумбии (районы, подконтрольные группировке ФАРК), Перу («Сендеро Луминосо»), Боливии.

Математическая обработка показателей рисков пространственной дезинтеграции по разным факторам включала в себя два вида анализа (корреляционный и факторный) посредством метода главных компонент.

Корреляционный анализ. В результате определения корреляций Спирмена для каждой из трех стран были выделены пары факторов дезинтеграции с существенными значениями ($>0,33$). Поскольку совпадений между значимыми парами между странами практически не наблюдалось, можно сделать вывод, что данный анализ скорее раскрывает сложный механизм взаимосвязей внутри одного государства.

В Мексике наиболее высоким значением корреляции обладает пара факторов социально-экономический / этнокультурный ($-0,60$). Поскольку в случае Мексики этнокультурный фактор базировался на показателях доли индейцев в составе населения, трактовать результаты можно следующим образом: чем выше доля индейцев, тем, как правило, ниже значения ИЧР. Р-уровень – 0,0001. Корреляция в паре факторов социально-экономический / внешнеполитический составляет 0,44. Это указывает на динамичное развитие смежного с США «северного фасада» государства, во многом из-за предприятий макиладорас, функционирующих уже десятилетия в приграничной зоне. Р-уровень – 0,0118. Одновременно меньшая транспортная связность северных районов с остальной территорией страны указывает на обратную зависимость в паре факторов социально-экономический / транспортный ($-0,52$). Вполне вероятно, это связано с большей дробностью АТЕ 1-го порядка на юге Мексики и повышенной плотностью там транспортных путей.

В Венесуэле прослеживается положительная корреляция в паре факторов социально-экономический / этнокультурный (0,58). В случае с Венесуэлой особой расово-этнической группой выступают бланкос («белые»), что позволяет выдвинуть следующий тезис: чем выше доля бланкос в населении штата, тем выше уровень ИЧР. Р-уровень – 0,003. Социально-экономический фактор отрицательно коррелирует с внутривнутриполитическим ($-0,36$). Наиболее высокоразвитые АТЕ Венесуэлы (Арагуа, Карабобо, Федеральный округ) гораздо более густонаселены, нежели слабо освоенная периферия, поэтому отклонений от средних значений по стране ожидать не стоит. Напротив, чем ниже уровень развития, тем сильнее электоральная картина будет отличаться от общегосударственной. Р-уровень – 0,08. Значимые корреляции были обнаружены и в паре факторов внешнеполитический / внутривнутриполитический (0,44). Р-уровень – 0,03.

Таблица 3

Подсчет рисков пространственной дезинтеграции для отдельных латиноамериканских стран

Фактор	Венесуэла		Мексика		Чили	
	АТЕ 1-го порядка	Вес (F)	АТЕ 1-го порядка	Вес (F)	АТЕ 1-го порядка	Вес (F)
Исторический	Сулия, Тачира, Карабобо, Фалькон, Гуарико, Лара	0,58	Кампече, Юкатан, Кинтана-Роо. Отдельно – «криминальный фактор» как частный пример исторического: Нижняя Калифорния, Чиуауа, Синалоа, Нуэво-Леон, Тамаулипас, Мичоакан, Герреро	0,26	Араукания, Антофагаста, Арика-и-Паринакота, Тарапака, Кокимбо, столичная область, Био-Био, Магальянес	0,69
Социально-экономический	Лидеры: Карабобо, Арагуа, Миранда, Варгас, Федеральный округ. Аутсайдеры: Апуре, Баринас, Гуарико, Португеса	0,6	Лидеры: Федеральный округ, Нижняя Калифорния, Южная Нижняя Калифорния, Нуэво-Леон, Сонора, Синалоа, Агуаскальентес, Коауила, Тамаулипас. Аутсайдеры: Мичоакан, Веракрус, Пуэбла, Герреро, Оахака, Чьяпас	0,52	Лидеры: столичная область, Антофагаста, Тарапака. Аутсайдеры: Лос-Лагос, Араукания, Мауле, Айсен	0,62
Внутриполитический	Тачира, Сулия, Мерида, Миранда, Ансоатеги	0,53	Табаско, Чьяпас, Оахака, Найрит, Гуанахуато, Герреро, Идальго	0,2	Не определяются*	–
Этнокультурный	Тачира, Мерида, Апуре, Гуарико	0,12	Юкатан, Оахака, Кампече, Кинтана-Роо, Идальго, Чьяпас, Пуэбла, Герреро, Тамаулипас, Нуэво-Леон, Сакатекас, Дуранго, Нижняя Калифорния, Гуанахуато, Халиско	0,46	Араукания, Лос-Лагос, Лос-Риос, Арика-и-Паринакота, Айсен, Магальянес	0,15
Транспортный	Амасонас, Нуэва-Эспарта	0,02	Сонора, Синалоа, Нижняя Калифорния, Южная Нижняя Калифорния	0,08	Айсен, Магальянес	0,02
Военно-стратегический	Амасонас, Дельта-Амакуро, Трухильо, Миранда, Португеса, Сукре	0,2	Дуранго, Сакатекас, Сан-Луис-Потоси, Агуаскальентес, Керетаро, Найрит, Южная Нижняя Калифорния, Тамаулипас, Мичоакан, Морелос, Тласкала	0,19	Арика-и-Паринакота, Атакама, Кокимбо, Араукания, Мауле, Ньюбле	0,19
Внешнеполитический	Тачира, Апуре, Сулия	0,25	Нижняя Калифорния, Тамаулипас, Чиуауа, Нуэво-Леон	0,13	Арика-и-Паринакота, Тарапака, Антофагаста, Атакама	0,08
Сумма		2,3		1,84		1,75

Примечание. *Трудности с определением рисков дезинтеграции по внутриполитическому фактору для Чили вызваны схожестью программ основных политических сил страны, особенностью избирательной системы (ограничение полномочий президента одним сроком). В результате АТЕ с каждым избирательным циклом меняют свой окрас с «провластных» на «оппозиционные».

В Чили обнаружены всего две значимые корреляции: в парах факторов социально-экономический / военно-стратегический (0,53) и социально-экономический / внешнеполитический (0,75). Редкие, но достаточно надежные корреляции обусловливаются территориальной сверхконцентрацией капиталов и населения в этой стране. Существенная корреляция с внешнеполитическим фактором задана конфигурацией государства, где каждая область является приграничной и имеет определенный балл за плотность пограничных пунктов пропуска. Направление ПИИ в сырьевые и столичный регионы, имеющие высокие показатели развития, лишь усиливают эту корреляцию. Р-уровень – 0,0012.

Метод главных компонент. В ходе проведения корреляционного анализа было выявлено, что многие факторы пространственной дезинтеграции в рассмотренных странах Латинской Америки слабо коррелируют между собой. Такой результат можно объяснить тем, что пространственная дезинтеграция – это многогранный и сложный процесс, который в разных государствах предполагает разную иерархию и характер взаимодействия между факторами. Небольшое число обнаруженных корреляций предполагает использование факторного анализа, который позволяет определить ведущие факторы для регионов, обладающих наиболее высокими рисками пространственной дезинтеграции. В качестве переменных были использованы шесть показателей:

1) значение ИЧР (индикатор социально-экономического фактора);

2) разница доли голосов, отданных за кандидата-победителя в данной АТЕ и по стране в целом (индикатор внутриполитического фактора);

3) разница доли населения, принадлежащего ко второй по численности расово-этнической группе в АТЕ и стране (индикатор этнокультурного фактора);

4) уровень транспортной связности с соседними АТЕ 1-го порядка (индикатор транспортного фактора), выражающийся через число сухопутных путей сообщения, пересекающих границы с другими АТЕ;

5) балльная оценка концентрации вооруженных сил и армейской инфраструктуры на территории АТЕ (индикатор военно-стратегического фактора);

6) балльная оценка влияния из-за границы: плотность пограничных пропускных пунктов и отклонение в величине ПИИ на душу населения, а также наличие действующего территориального спора с иным государством (индикаторы внешнеполитического фактора).

Модель была построена по 72 АТЕ 1-го порядка для трех рассматриваемых стран. Для Венесуэлы не проводился расчет для Федеральных территорий (Territorio Federal), для Чили расчет по областям Ньюбле и Лос-Риос проводился совместно с регио-

нами, из состава которых они были выделены (Био-Био и Лос-Лагос соответственно). Корректность использования заданной выборки была подтверждена мерой адекватности Кайзера-Майера-Олкина, которая составила 0,586, что соответствует удовлетворительной адекватности ($>0,5$).

Анализ был проведен посредством метода главных компонент, который позволил выделить ведущие компоненты для регионов, отличающихся высокими рисками пространственной дезинтеграции. Каждый из компонентов объясняет некоторую долю дисперсии значений. В результате было обнаружено два компонента, которые объясняют 57% выборки. Подобное значение можно считать удовлетворительным и репрезентативным для отображения статистических зависимостей при традиционном нормативе 50%.

По итогам факторного анализа получена матрица компонент, отображающая корреляционную зависимость между выделенными компонентами и шестью показателями (табл. 4).

Таблица 4

Матрица компонент при установлении ведущих факторов пространственной дезинтеграции в странах Латинской Америки

	Компонент	
	1	2
Уровень жизни (ИЧР)	0,848	
Электоральные отклонения	-0,487	0,236
Этнорасовые отклонения		0,757
Транспортная связность	-0,733	
Концентрация вооруженных сил		0,771
Влияние из-за границы	0,820	0,104

Согласно логике исследования, каждый из выделенных компонент должен связывать разные показатели, являющиеся проявлением факторов пространственной дезинтеграции. Трактую результаты факторного анализа, можно увидеть, что компоненты 1 и 2 есть не что иное, как сводные черты АТЕ с высоким уровнем пространственной дезинтеграции.

АТЕ с компонентом 1 характеризуются сильной зависимостью от уровня жизни и внешнеполитического влияния, при этом они слабо (или недостаточно) включены в транспортную систему своего государства. Используя терминологию А.И. Трейвиша [2016], можно сказать, что это вынесенные к границе «фасадные» регионы с высоким уровнем развития человеческого потенциала (намного реже – с низким уровнем, если просмотреть список топ-пиков регионов с самым большим количеством сочетаемых факторов), при этом они слабее инте-

грированы в экономические и транспортные связи с соседними АТЕ.

АТЕ с компонентом 2 – это регионы, отличающиеся по расовому составу населения, своеобразные «импланты», при этом в них усилен силовой контроль государства, развита военная инфраструктура.

ВЫВОДЫ

Пространственная дезинтеграция понимается как процесс нарушения и разрушения экономических, политических и транспортных связей между регионами в пределах территории государства. Параметризация пространственной дезинтеграции позволяет выявить общую разнородность элементов государственной системы и проводить сравнительную характеристику стран.

В основе оценки рисков пространственной дезинтеграции лежат взаимосвязанные факторы, раскрывающие важные аспекты социальной, экономической, политической и духовной сфер человеческого общества. В данном исследовании выделяется семь факторов пространственной дезинтеграции для стран Латинской Америки, а метод

главных компонент позволяет выявить две ведущие компоненты, которые можно кратко охарактеризовать как «фронтирность» и «расово-этническая имплантность» отдельных регионов.

Методика оценки рисков пространственной дезинтеграции может стать важным инструментом прогнозирования потенциально нежелательных процессов, препятствующих развитию государства: сецессионизма, регионализма, потери контроля над территорией, изоляции периферии и др.

Рассмотренная методика позволяет рассчитать общие риски пространственной дезинтеграции страны как системы, а также выявляет наиболее чужеродные, непохожие элементы в виде отдельных АТЕ 1-го порядка. На примере проанализированных латиноамериканских стран можно заключить, что Венесуэла – наиболее гетерогенное и потенциально нестабильное государство по сравнению с Мексикой и Чили. В то же время наиболее отличающимися регионами внутри государств являются штаты Мексики Нижняя Калифорния и Тамаулипас, сочетающие пять факторов пространственной дезинтеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авраменко А.В.* Сепаратизм: сущность и проблемы: дис. ... канд. полит. наук. М., 1997. 205 с.
- Бакланов П.Я.* Интеграционные и дезинтеграционные процессы на Дальнем Востоке России // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 12–19.
- Воронина Т.В.* Интеграция и дезинтеграция как проявление внутренних противоречий интеграционной системы // Пространство экономики. 2013. № 1–2. С. 119–123.
- Емельянов А.И., Жерлицына Н.А., Сидорова Г.М.* Международные конфликты XXI века. М.: Моск. гос. лингвистический ун-т, 2019. 148 с.
- Заяц Д.В.* Территориальные конфликты на современной политической карте мира: очаги и риски сепаратизма: дис. ... канд. геогр. наук. М., 1999. С. 29–57.
- Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, 2000. 109 с.
- Коробеев А.И., Лобач Д.В.* Терроризм, экстремизм и насилие в современной Мексике: состояние и динамика // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2014. Т. 16. № 1–2. С. 131–144.
- Кузнецов Д.А.* Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Междунар. отношения и мировая политика. 2020. № 12(2). С. 44–70.
- Либман А.М., Хейфец Б.А.* Модели экономической дезинтеграции. Интеграция и дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. 2011. № 2(11). С. 4–18.
- Попов Ф.А.* Дробление политического пространства мира: основные формы и современные тенденции // Региональные исследования. 2015. № 2. С. 64–73.
- Попов Ф.А.* География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
- Себенцов А.Б., Колосов В.А.* Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. 2012. № 2. С. 31–46.
- Трейвиш А.И.* Центр, периферия и фасад как дополняющие понятия геоэкономического // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). 2016. № 5. С. 4–16.
- Фадеева И.А.* Дезинтеграционные процессы в странах Европы: причины и влияние на Россию // Фундаментальные исследования. 2018. № 4. С. 125–129.
- Харламенко А.В.* Сепаратизм в Боливии и Эквадоре начала XXI в. // Латинская Америка. 2013. № 12. С. 53–59.
- Buhaug H., Rød J.K.* Local determinants of African civil wars, 1970–2001, *Political Geography*, 2006, vol. 25, no. 3, p. 315–335.
- Hegre H., Østby G., Raleigh C.* Poverty and Civil War Events, *Journal of Conflict Resolution*, 2009, vol. 53, no. 4, p. 598–623.
- Ker-Lindsay J.* The Foreign Policy of Counter Secession: Preventing the Recognition of Contested States, Oxford, Oxford University Press, 2012, 215 p.
- Kolossov V., O'Loughlin J.* Pseudo-states as harbingers of a post-modern geopolitics: The example of the Transdniestrian Moldovan Republic (TMR), *Geopolitics*, 1998, no. 3, p. 151–176.
- Lipset S.M.* Political Man. The social Basis of Politics, 2nd ed., London, 1983, 586 p.
- Morelli M., Rohner D.* Resource concentration and civil wars, *Journal of Development Economics*, 2015, no. 117, p. 32–47.

- Newman D., Paasi A. Fences and neighbours in the post-modern world: boundary narratives in political geography, *Progress in Human Geography*, 1998, no. 22(2), p. 186–207.
- Paddison R. The Fragmented State. The Political Geography of Power, Oxford, 1983, 315 p.
- Pegg S. International Society and the De Facto State. Aldershot, Ashgate Publishers, 1988, 308 p.
- Rokkan S. *Geography, religion, and social class: Crosscutting cleavages in Norwegian politics*. Party systems and voter alignments, S.M. Lipset, S. Rokkan (eds.), New York, 1967, 554 p.
- Simmel G. Conflict and the web of group-affiliations, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1955, 195 p.
- Sorens J. Mineral production, territory, and ethnic rebellion: The role of rebel constituencies, *Journal of Peace Research*, 2011, vol. 48, no. 5, p. 571–585.
- Ross E.A. The Principles of Sociology, New York, The Century Co, 1920, 708 p.
- Wheare K.C. *Modern constitutions*, London, Oxford University Press, 1966. 150 p.
- Электронный ресурс
Fragile State Index, The Fund for Peace, URL: <https://fragilestatesindex.org> (дата обращения 19.05.2021).

Поступила в редакцию 11.06.2021

После доработки 12.10.2021

Принята к публикации 22.11.2021

RISKS OF THE STATE TERRITORY DISINTEGRATION (CASE STUDIES OF MEXICO, VENEZUELA AND CHILE)

V.S. Skachkov¹, D.V. Zayats²

¹ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Geography of World Economy

² Moscow State Pedagogical University, V.P. Maksakovsky Department of Economic and Social Geography, Associate Professor, Ph.D. in Geography

¹ Postgraduate student; e-mail: cccp271994@mail.ru

² Scientific Researcher; e-mail: ethnogeo@mail.ru

Spatial disintegration is understood in the study as a process of disruption and destruction of system-forming connections between territorial units of a state. Based on previous studies carried out by other authors, seven factors of spatial disintegration are identified, namely historical, socio-economic, electoral, ethno-cultural, transport, military-strategic and foreign-political. To quantify the risks of spatial disintegration, a calculation method has been developed that allows for a comparative analysis of the danger of disintegration for particular countries as integral systems, and for their administrative-territorial units.

The risks of spatial disintegration are calculated for three Latin American countries, i. e. Venezuela, Mexico and Chile, which are quite different in socio-economic, ethno-cultural and political-administrative terms. The greatest risk of spatial disintegration is characteristic of Venezuela. The most significant risks of spatial disintegration at the subnational level are typical for the Tachira state in Venezuela; for the Baja California and Tamaulipas states in Mexico; and for the Arica y Parinacota and Araucania regions in Chile.

The correlation analysis between the parameters showing the effect of various disintegration factors is carried out. The following correlations are significant for Mexico: positive between socio-economic and foreign policy factors and negative between socio-economic and ethno-cultural, socio-economic and transport factors. The correlation between socio-economic and ethno-cultural factors is positive in Venezuela, as well as between foreign policy and electoral factors, and negative between socio-economic and electoral factors. Only two significant correlations were found for Chile: between socio-economic and military-strategic factors, and socio-economic and foreign policy factors.

The principal components method made it possible to identify two leading components in the Latin American countries under study. The first one is frontier regions with a high level of human development, which at the same time are less integrated into economic and transport links with their internal neighbors. The second one is “implant” regions, which differ from the main regions of the country by racial composition and in which the power control of the mother state is strengthened.

Keywords: territorial disparities, factor analysis, separatism, secessionism

REFERENCES

- Avramenko A.V. *Separatism: sushchnost' i problemy* [Separatism: essence and problems]. Ph.D. Thesis in Politics, Moscow, 1997. 205 p. (In Russian)
- Baklanov P.Ya. Integratsionnye i dezintegratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke Rossii [Integration and disintegration processes in the Russian Far East],

- Regional'nye issledovaniya*, 2002, no. 1, p. 12–19. (In Russian)
- Buhaug H., Rød J.K. Local determinants of African civil wars, 1970–2001, *Political Geography*, 2006, vol. 25, no. 3, p. 315–335.
- Emel'yanov A.I., Zherlitsyna N.A., Sidorova G.M. *Mezhdunarodnye konflikty XXI veka* [International conflicts of the 21st century], Moscow, Moscow St. Linguistic un-ty Publ., 2019, 148 p. (In Russian)
- Fadeeva I.A. Dezintegratsionnye protsessy v stranakh Evropy: prichiny i vliyanie na Rossiyu [Disintegration processes in European countries: causes and the effect on Russia], *Fundamental'nye issledovaniya*, 2018, no. 4, p. 125–129. (In Russian)
- Hegre H., Østby G., Raleigh C. Poverty and Civil War Events, *Journal of Conflict Resolution*, 2009, vol. 53, no. 4, p. 598–623.
- Ker-Lindsay J. *The Foreign Policy of Counter Secession: Preventing the Recognition of Contested States*, Oxford, Oxford University Press, 2012, 215 p.
- Kharlamenko A.V. Separatizm v Bolivii i Ekvadore nachala XXI veka [Separatism in Bolivia and Ecuador at the beginning of the 21st century], *Latinskaya Amerika*, 2013, no. 12, p. 53–59. (In Russian)
- Kolosov V., O'Loughlin J. Pseudo-states as harbingers of a post-modern geopolitics: The example of the Transnistrian Moldovan Republic (TMR), *Geopolitics*, 1998, no. 3, p. 151–176.
- Korobeev A.I., Lobach D.V. Terrorizm, ekstremizm i nasilie v sovremennoi Meksike: sostoyanie i dinamika [Terrorism, extremism, and violence in modern Mexico: state and dynamics], *Aziatsko-tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo*, 2014, vol. 16, no. 1–2, p. 131–144. (In Russian)
- Kozer L. *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [Social conflict functions], Moscow, Ideya-Press Publ., 2000, 109 p. (In Russian)
- Kuznetsov D.A. Traektorii regional'nogo razvitiya Latinskoj Ameriki v XXI veke [Latin America in the 21st century: regional development trajectories], *Vestn. Mosk. un-ta, Ser. 25, Mezhdunar. otnosheniya i mirovaya politika*, 2020, no. 12(2), p. 44–70. (In Russian)
- Libman A.M., Kheifets B.A. Modeli ekonomicheskoi dezintegratsii. Integratsiya i dezintegratsiya [Models of economic disintegration. Integration and disintegration], *Evrasijskaya ekonomicheskaya integratsiya*, 2011, no. 2(11), p. 4–18. (In Russian)
- Lipset S.M. *Political Man. The social Basis of Politics*, 2nd ed., London, 1983, 586 p.
- Morelli M., Rohner D. Resource concentration and civil wars, *Journal of Development Economics*, 2015, no. 117, p. 32–47.
- Newman D., Paasi A. Fences and neighbours in the post-modern world: boundary narratives in political geography, *Progress in Human Geography*, 1998, no. 22(2), p. 186–207.
- Paddison R. *The Fragmented State. The Political Geography of Power*, Oxford, 1983, 315 p.
- Pegg S. *International Society and the De Facto State*, Aldershot, Ashgate Publishers, 1988, 308 p.
- Popov F.A. Droblenie politicheskogo prostranstva mira: osnovnye formy i sovremennye tendentsii [The fragmentation of political space: basic forms and modern trends], *Regional'nye issledovaniya*, 2015, no. 2, p. 64–73. (In Russian)
- Popov F.A. *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [Geography of secessionism in the modern world], Moscow, Novyi khronograf Publ., 2012, 672 p. (In Russian)
- Rokkan S. *Geography, religion, and social class: Crosscutting cleavages in Norwegian politics. Party systems and voter alignments*, S.M. Lipset, S. Rokkan (eds.), New York, 1967, 554 p.
- Ross E.A. *The Principles of Sociology*. New York, The Century Co, 1920, 708 p.
- Sebentsov A.B., Kolosov V.A. Fenomen nekontroliruemykh territorii v sovremennom mire [The phenomenon of uncontrolled territories in the modern world], *Polis*, 2012, no. 2, p. 31–46. (In Russian)
- Simmel G. *Conflict and the web of group-affiliations*, Glencoe, Illinois, The Free Press, 1955. 195 p.
- Sorens J. Mineral production, territory, and ethnic rebellion: The role of rebel constituencies, *Journal of Peace Research*, 2011, vol. 48, no. 5, p. 571–585.
- Treivish A.I. Tsentr, periferiya i fasad kak dopolnyayushchie ponyatiya geostranovedeniya [Center, periphery, and facade as complementary concepts of country research], *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya, Vestnik Assotsiatsii rossijskikh geografov-obshchestvovedov (ARGO)*, 2016, no. 5, p. 4–16. (In Russian)
- Voronina T.V. Integratsiya i dezintegratsiya kak proyavlenie vnutrennikh protivorechii integratsionnoi sistemy [Integration and disintegration as a manifestation of internal contradictions of the integration system], *Prostranstvo ekonomiki*, 2013, no. 1–2, p. 119–123. (In Russian)
- Wheare K.C. *Modern constitutions*, London, Oxford University Press, 1966, 150 p.
- Zayats D.V. *Territorial'nye konflikty na sovremennoi politicheskoi karte mira: ochagi i riski separatizma* [Territorial conflicts on the modern political map of the world: areas and risks of separatism], Ph.D. Thesis in Geography, Moscow, 1999, p. 29–57. (In Russian)

Web source

Fragile State Index. The Fund for Peace, URL: <https://fragilestatesindex.org> (access date 19.05.2021).

Received 11.06.2021

Revised 12.10.2021

Accepted 01.11.2021